

АННИ
АННИ БЕЗАНТ
БЕЗАНТ

ЗАКОНЫ
ВЫСШЕЙ ЖИЗНИ

« ДУХОВНЫЕ УЧЕНИЯ »

- « Духовная эволюция
- « Высшее сознание
- « Закон жертвы
- « Закон возрождения
- « Сила мысли
- « Путь истины
- « Великое раскрытие

Анни Безант В преддверии Храма

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176843
Законы высшей жизни: АСТ, АСТ Москва; М.:; 2006
ISBN 5-17-037292-2, 5-9713-2296-6*

Аннотация

Анни Безант (1847 – 1933) – ученица и последовательница Елены Блаватской, в течение двадцати шести лет – президент теософского общества, автор многих ярких работ по теософии. Книги Анни Безант вводят читателя в сокровищницу древней мудрости и сокровенного знания.

«Но если вы хотите знать, не только надеяться, не только страстно желать, не только верить, но знать с несомненностью и убежденностью, не способной колебаться, тогда вы должны искать Божественный дух не вне, а внутри себя».

Содержание

Глава I. Очищение	4
Глава II. Контроль мысли	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анни Безант

В преддверии храма

Глава I. Очищение

Если бы мы могли мысленно встать на такое место, с которого можно было бы обозреть течение всей эволюции и изучить историю нашей цепи миров не так, как они представляются нам в воображении, а такими, какими они являются в своей действительности, – глядя на эти развивающиеся миры и на это развивающееся человечество, можно было бы все это изобразить в картине. Мы бы увидели в пространстве возвышающуюся большую гору, а кругом горы до самой вершины вьющуюся тропу. Эта тропа огибает семь раз гору, и на каждом повороте тропы привал, где путники могут отдохнуть от усталости. Дорога поднимается спиралью все выше и выше, до самой вершины, где стоит Храм из белого мрамора: он ярко сверкает на фоне голубого эфира. Этот Храм – цель пути, и те, кто вошли в него, закончили свое горнее странствие и остаются там лишь для того, чтобы помочь тем, кто все еще поднимается. Внимательно всматриваясь в Храм, мы увидим в самой середине его святая святых и четыре притвора, кольцеобразно его охватывающих и находящихся в самом Храме. Таким образом, в Храме четыре притвора, отделенные друг от друга стеной, и в каждой по одной двери. Путник, желающий проникнуть в святая святых, должен последовательно пройти через эти четыре двери. Кроме того, кругом Храма тянется внешняя ограда, вмещающая значительно больше народа, чем сам Храм. Храм, его ограды и вьющаяся вокруг горы тропа составляют картину человеческой эволюции: это путь, по которому оно идет; цель его достигнуть Храма. По горной дороге шаг за шагом, медленно поднимается человеческая толпа, так медленно, что движение ее едва заметно. Это веками совершающееся движение кажется таким медленным, утомительным и тяжелым, что удивляешься терпению и мужеству странников. Миллионы лет проходят в пути, миллионы лет странник неустанно поднимается в гору, и в течение этих веков путник переживает бесконечное число жизней и продолжает – шаг за шагом – двигаться вперед. Глядя на всех этих бесчисленных путников, невольно спрашиваешь себя: «Отчего они идут так медленно? Зачем все эти миллионы людей совершают такой длинный путь? Зачем они все так стремятся к тому Храму, что стоит на вершине горы?»

Глядя на них, невольно приходит мысль, что они оттого идут так медленно, что не видят своей цели и не сознают направления, по которому двигаются. Путники постоянно сбиваются с пути, увлекаясь то в одну, то в другую сторону; они не идут прямо по дороге, как люди, сознательно стремящиеся к цели, а рассыпаются во все стороны, как дети, бегающие за цветами и за бабочками.

Время как будто проходит даром, и когда ночь наступает, кажется, что путники очень мало подвинулись вперед. И более развитые ненамного опережают других; неразвитые же засыпают на том самом месте, где они толпились весь день и где их застала ночь. Томительно смотреть на это страшно медленное шествие людей, и невольно спрашиваешь себя: «Почему же они не поднимают глаз и не пытаются понять направление, по которому им надо идти?»

А между тем к Преддверию Храма, которого достигают передовые отряды путников, ведет не одна только спиральная дорога; из многих ее точек поднимаются тропинки, ведущие прямо вверх, по которым сильные и мужественные путники могут подняться, если у них хватит смелости и силы. Первый шаг по прямому пути к Преддверию Храма путник делает тогда, когда его душа, миллионы лет стихийно поднимавшаяся по спиральной дороге, понимает, что его путь имеет цель: он впервые поднимает глаза и на мгновение видит вер-

шину, озаренную светлыми лучами, исходящими от белого Храма. От времени до времени, оторвавшись от бабочек и цветов, тот или иной путник внезапно замечает этот свет; он поднимает взор и на мгновение видит Храм. После этого молниеносном откровения он больше никогда уже не останется тем, чем был: он видел цель и конец пути; он видел вершину и ту крутую, отвесную тропу, которая ведет прямо к сияющему Храму. В эту минуту, когда путник видит, что вместо того, чтобы столько раз огибать гору по спиральной дороге, можно подняться быстрее к вершине, он понимает, что крутая тропа имеет щелью Служение и что вступающие на нее должны пройти через врата, над которыми сверкает золотая надпись: «Служение человечеству». Он понимает, что ему необходимо пройти через эти врата, чтобы достигнуть Преддверия Храма, сознавать, что цель жизни служение, а не эгоистическое искание себя, и понять, что единственный способ подняться быстрее – это спешить в Храм, дабы из Храма послать помощь отставшим. На мгновение только сверкнул перед душой яркий луч света, сверкнул и потух, ибо по вьющейся дороге рассыпано много привлекательных предметов, которые невольно притягивают к себе, но раз душа уже видела свет, раз она уже была озарена сознанием конечной цели и долга служения, то в ней навсегда останется стремление ступить на крутую тропу и найти прямой путь к Преддверию Храма.

После этого первого видения душа озаряется снова и снова светом, и каждый новый луч разгорается ярче предшествовавшего. Те, кто хоть на одно мгновение осознали цель и смысл жизни, начинают подниматься с большею уверенностью. Они все еще идут по спиральной дороге, но они все более и более проявляют те свойства, которые мы называем добродетелями; все более и более углубляются они в религиозное настроение, которое поясняет им, как достигнуть Храма. Души, сознавшие возможный конец пути и чувствующие влечение к крутой тропе, отличаются от своих товарищей своей способностью терпеть и преодолевать; они идут в первых рядах и как бы ведут за собой остальную толпу странников. Они идут скорее, потому что видят цель впереди, знают направление и пытаются осмыслить свою жизнь. Не вполне ясно сознавая конечную цель, они тем не менее уже не кидаются бесцельно из стороны в сторону, не делают более то шаг вперед, то шаг назад: они упорно поднимаются по спиральной дороге и с каждым днем идут все быстрее и быстрее; озаренные желанием помочь своим братьям, они понемногу обгоняют толпу. Таким образом, они скорее поднимаются к вершине, хотя все еще идут по спиральной дороге; они начинают воспитывать себя, и в то же время они пытаются помочь товарищам по пути, простирая им руку помощи и увлекая их быстрее вперед. И тогда перед ними встает прекрасное, но несколько суровое видение, которое говорит им о возможности более краткого пути. Оно являет собою Знание. Религия и Служение – его родные сестры; втроем они ведут душу к той светлой заре, которая прольет в нее свет полного понимания и туманные мечты заменит ярко осознанной целью. В эту минуту святого озарения, когда душа признает служение законом своей жизни, из глубины ее вырывается обет служить беззаветно человечеству; этот первый обет, хотя он произносится еще и не вполне сознательно, полон глубокого значения. В Писании творится про одного из тех, которые ранее всех поднялись по крутой тропе, про того, кто шел так быстро, что оставил все человечество позади себя; прошли века, и его стали звать Буддой; говорится, что он «исполнял свой обет из века в век», ибо совершенство, которым он озарил мир, вылилось из его сокровенного обета служить миру. Такой обет связывает невидимыми нитями душу с теми, кто опередил ее, и приводит к Тропе Испытания, тропе, ведущей через Преддверие прямо к вратам Храма. Наконец, после многих жизней, полных стремлений и труда, душа, сделавшись чище, благороднее и мудрее, обнаруживал выросшую сильную волю; эта воля говорит уже не шепотом, навеянным прекрасной мечтой, а словом решительным и властным, требующим ответа: душа стучится у входа к внешней ограде; она стучится с полным пониманием трудности и размера задачи, которую берет на себя, и вместе с тем с непоколебимой решимостью довести свой подвиг до конца. Эта смелая душа решила

выдвинуться из толпы, которой предстоит еще в течение миллионов лет подниматься по спиральной дороге; в несколько человеческих жизней она хочет добраться до вершины юры по той крутой, отвесной тропе, которая прямо ведет в святая святых; в несколько человеческих жизней она хочет сделать то, что человечество совершит через мириады лет; она берет на себя такую работу, которую ум может не выдержать, такой могучий труд, что душа не могла бы предпринять его, не сознав уже свои скрытые силы и свою божественность. Это труд, достойный божества; выполнение его указывает на то, что в человеческом образе растет и совершенствуется сила божественная.

Итак, душа стучится, врата раскрываются, и она проникает во внешнюю ограду Храма. Шаг за шагом подвигаешься она и доходит до Преддверия Храма (всех врат четыре, и каждая врата символизируют одно из великих Посвящений). Войти может только та душа, которая навсегда отдалась Вечному и утратила интерес к вещам преходящим, ибо когда душа уже вступила в Храм, она более не выходит из него никогда; раз она уже проникла внутрь ограды, ведущей в святая святых, она более не может вернуться в прежнюю жизнь; она избрала свой жребий на все грядущие времена, она вступила в святилище, туда, откуда нет возврата. Первое великое Посвящение находится в самом Храме. Но душа, о которой идет речь, только еще готовится подняться по семи ступеням к первым вратам, чтобы здесь, у Преддверия Храма, на пороге ждать разрешения войти. Какова же будет ее работа в Преддверии? Какую жизнь будет она вести, чтобы удостоиться постучаться в Храм? Я хорошо знаю, братья и сестры мои, что в описании Преддверия многое может показаться непривлекательным и даже отталкивающим. Трудно найти дорогу к Преддверию; трудно жить той религиозной жизнью, полной подвигов, которая дает возможность душе постучаться у первых врат Храма, и те, кто входят в Преддверие, доказывают этим, что они сделали уже большую работу в прошлом жизни, в этой ограде покажется малопривлекательной тем, которые еще не признали и не поняли смысла и цели жизни, ибо помните, что в Преддверие вступили только те, которые посвятили себя навсегда служению; они отдали все, не прося взамен ничего, кроме радости служить; они вполне поняли изменчивость всего земного и отдались беззаветно своей высокой задаче; они оставили навсегда цветы и радости широкой горной тропы и твердо решили подниматься прямо к вершине, чего бы это им ни стоило. Страшное напряжение и сильная борьба ожидают бесстрашного путника, ибо здесь многое должно быть исполнено в короткий срок.

Эту работу можно для большей ясности расчленить, ко различные отделы не составляют последовательных ступеней, работа в них совершается параллельно. Отделы именуется: «Очищение», «Контроль мысли», «Созидание характера», «Духовная алхимия» и «На пороге». Над всем этим душа должна работать одновременно в течение всех тех жизней, которые она проводит в Преддверии; прежде чем она дерзнет подойти к вратам самого Храма, она должна научиться хоть отчасти совершать эту работу; в совершенстве работа будет исполнена только в святая святых.

Часть этой работы состоит в самоочищении, в очищении низшей природы так, чтобы каждая часть ее вибрировала в полной гармонии с высшей, чтобы очистилось все, что принадлежит к преходящей природе человека, тому, что мы называли личностью, что не заключает в себе постоянной индивидуальности, а есть лишь собрание тех качеств и характерных черт, которые человек собирает в течение каждой из своих многочисленных жизней. Это – те внешние качества и атрибуты, в которые, как в одежду, облачается Душа и которые часто сопровождают ее из жизни в жизнь; из всего того, что она вырабатывает в течение своего земного существования, она выбирает лучшее и складывает в сокровищницу своего растущего вечного «Я». В теософической литературе есть выражение, прекрасно рисующее настроение Души, которая добровольно вступила в Преддверие и видит весь предстоящий ей труд. Это выражение: «Отдать себя своему высшему Я». Слова эти полны глубокого значе-

ния; они означают твердое решение отбросить все, что временно и что принадлежит низшей личности, во имя служения высшему; решение посвятить всю земную жизнь на собирание материала, нужного для роста высшего начала, истинной человеческой сути, той растущей индивидуальности, которая пребывает над каждой проявляющейся личностью. Отдать себя «высшему Я» для низшего «я» означает перестать жить для себя и начать служить вечному. Вся работа, которая выполняется в Преддверии, совершается ради того великого истинного «Я», жизнь которого все расширяется по мере того, как идет самоотверженное сужение вестника (личности), поданного им во внешний мир.

В одной из великих Упанишад сказано, что, если человек пожелает обрести свою душу, он должен прежде всего отказаться от «дурных путей»; но душа уже сделала это до своего вступления в Преддверие, ибо те, что вошли, не подвержены более обыденным соблазнам земной жизни: они переросли их; в том воплощении, в котором они вступили за внешнюю ограду, они давно отказались от дурных путей и не могут уже находить в них удовольствия. Они могут случайно сбиться с правой дороги и поскользнуться, но сознательно оставаться на ложном пути для них уже невозможно. Они могут ошибиться в выборе дороги; еще несовершенная в своем опыте совесть может их неверно направить даже и тогда, когда они стоят в Преддверии, но их совесть не перестает страстно искать правого пути. Против голоса совести низшая природа бессильна; человек, низшая природа которого способна идти против совести, еще не готов переступить за ограду; вступивший в Преддверие раз навсегда выбрал путь добра; сознательно он не может от него отходить. В предыдущих воплощениях он уже много потрудился; теперь он стремится совершить наивысшее, что доступно его сознанию. За оградой ему придется иметь дело с более утонченным соблазном, чем во внешнем мире, с теми тонкими и сильными искушениями, которые овладевают душой, когда ей приходится жить ускоренным темпом. Она не может тратить время на продолжительную борьбу с соблазном и на медленное созидание добродетели, она должна спешить подниматься по крутой тропе.

Прежде всего на нее нахлынут затруднения и искушения из области эгоистического сознания: соблазн вознестись над всеми, возгордиться и соблазн скрыть, сохранить для себя обретенное. Честолюбие, гордость, алчность побудят ее воздвигнуть стену между собой и теми, кто стоит ступенью ниже, жадно будет она искать знания, такого, которое она может употребить против мира, а не в пользу его. И этот соблазн облекается в любовь к знанию ради знания и в любовь к истине ради истины; позже, когда душа прозревает, она видит, что в основе казавшегося ей столь высоким стремления лежало желание выделиться и обладать тем, чего другие не имеют. Это гордое желание выделиться, желание расти и достигнуть обладания – одна из самых больших опасностей для растущей души, опасность, которая может явиться ей и за оградой. И знания, и власти она пожелает не только во имя служения, но и потому, что они расширяют сознание; и вот воздвигается стена, чтобы удержать обретенное. Когда душа поймет, что честолюбие, гордость и отчуждение от братьев своих задерживают ее на пути к лучезарным вратам, она начнет горячую работу очищения: при свете лучей, исходящих из Храма, она рассмотрит все мотивы своих поступков и приступит к суровому изучению самой себя; этот свет так чист и так ярок, что тени темнеют, а предметы, казавшиеся светлыми, меркнут в его сиянии. Душа сознает, что природа желаний, которая так тонко переплетается с умственной жизнью, должна очиститься от всего личного, и она радостно берется за борьбу с личными стремлениями и со всем тем, что разделяет ее как от нижестоящих, так и от стоящих ступенью выше ее. Душа понимает, что врата Храма открываются только для того, кто разрушает стены, отделяющие его от братьев; и одновременно падают, как бы по волшебству, и стены, отделяющие ее от тех, кто впереди. Путь к Храму открывается лишь тому, кто сумел разрушить стены своей собственной природы и готов обретенным поделиться со всеми.

Таким образом начинается труд очищения: человек берет в руки свое «я» и начинает изгонять из него все эгоистичное. Как же он этого достигает? Он не должен ничего разрушать, ибо все собранное им есть тот опыт, который строил способности и превратил их в силу; вся эта накопившаяся на эволюционном пути сила нужна ему теперь, но только не в грубом, а в очищенном виде. Как же он ее очистит? Легче всего было бы просто убить в себе некоторые свойства; гораздо легче было бы вырвать их, чем работать над ними, вырвать и освободиться от них раз и навсегда. Но этого сделать нельзя, ибо на пороге Храма он должен принести в жертву все, что собрал в прошлом и что превратил в силу и в способность; с пустыми руками войти он не может: он должен взять с собой все собранное им на пути и, не уничтожая его, должен совершить гораздо более тяжелый труд, труд очищения. Отбросив все личное, он должен сохранить все существенное. Все, что он познал как добро и зло, все это вошло в собранный им опыт; все его свойства суть плоды его усилий и стремлений; отбросив все примеси, он должен существенное, превращенное в чистое червонное золото, возложить на алтарь.

Возьмем одно или два из этих качеств и мы ясно поймем, в чем состоит труд очищения.

Начнем с той могучей силы, которая находится в каждом человеческом существе; эту силу человек развивает на низших ступенях своего развития, она сопровождает его на всем пути. На низших ступенях мы ее знаем как гнев, как злобу. Посредством этой силы человек прокладывает себе дорогу в мир, борется и часто преодолевает все препятствия. Пока человек не научился ею управлять и владеть, эта страшная энергия действует в мире как сила разрушительная, потому что она недисциплинирована, тем не менее она ценна, потому что она – сила. Еще до своего вступления за внешнюю ограду человек уже изменил эту душевную энергию и превратил ее в добродетель; тогда она стала именоваться благородным негодованием, страстью и ненавистью ко всему несправедливому, дурному, низкому и жестокому, и в этой новой форме она сослужила хорошую службу миру. При виде жестокого отношения к слабому человек раздражался гневом; при виде несправедливости, он негодовал и восставал против нее, и таким образом он постепенно очищал свой гнев от многих примесей; в прежних жизнях он гневался за себя, он возмущался, когда его лично оскорбляли, и платил ударом за удар, но задолго до вступления в Преддверие он научился побеждать в себе зверя и давно уже перестал платить злом за зло и ненавистью за ненависть. Очистив гнев от элемента личного, он стал негодовать не тогда, когда его оскорбляли, а когда на его глазах обижали ком-либо другого; не столько свои, сколько чужие страдания стали вызывать в нем протест. При виде жестокости по отношению к существу слабому и беззащитному, он бросался на обидчика и спасал слабого от насилия. Таким образом, он пользовался высшими эмоциями для того, чтобы овладеть низшими; благородно направленная страстность поработила его животную природу, он перестал гневаться за себя и негодовал лишь за тех, кому желал помочь. Он давно признал служение своим долгом; один же из способов служения в мире – борьба с угнетателями. Он сражался за слабых и обездоленных, он горячо восставал против зла и неправды и совершал в мире работу героя. Но в тихой атмосфере Преддверия, в свете исходящих из святая святых лучей совершенного сострадания нет места для гнева, даже если гнев и очищен от личного раздражения. Ученик должен научиться понимать, что те, которые творят зло, также его братья и что, совершив зло, они страдают больше, чем терпящие от них обиду; он начинает понимать, что это благородное негодование, эта страстная ненависть ко всякой неправде, этот бескорыстно пламенеющий огонь не может быть свойством души, неизменно тяготеющей к Богу, ибо божественная Любовь любит всех детей, которых посылает в мир, на какой ступени развития они бы ни стояли. Божественная Любовь, из которой все изошло, не имеет ничего вне себя. Она разлита во всей вселенной; она пребывает и в сердце злодея, и в сердце святого. В Преддверии человек должен уметь за скрывающимися покровами видеть божественное, ибо здесь духовные очи должны

открыться, и между душой и «я» других людей не должно быть более стен; благородное негодование должно очиститься от гнева и превратиться в одну святую силу помощи всем; в своей совершенной чистоте она готова помочь и тирану, и рабу, и тому, кто угнетает, и тому, кто угнетен, ибо Спасители мира не выбирают, кому служить. Те, кто желают стать Слугами всех, не должны никого ненавидеть. То, что было когда-то гневом, очистившись, превратилось в покровительство слабым, в безличную борьбу со злом, в совершенную справедливость ко всем.

То же, что он сделал с гневом, человек должен сделать и с любовью. На низших ступенях любовь его проявлялась в бедной, неприглядной и убогой форме; она стремилась только к удовлетворению себя и мало заботилась о любимом существе. По мере того, как душа росла, любовь изменялась, она облагораживалась, делалась менее эгоистичной и начинала обращаться к высшим сторонам любимого существа; внешняя сторона утрачивала свое значение, и любовь, некогда чувственная, сделалась чистой и нравственной. В Преддверии она должна еще очиститься; она должна освободиться от всякой исключительности. Очищаясь от личных примесей, расширяясь и все сильнее разгораясь, любовь будет стремиться не брать, а как можно больше давать другим. Делаясь все более и более божественной, любовь будет устремляться туда, где нужда сильнее, а не туда, где она может получить больше взамен.

В течение этого очистительного процесса душа будет строго проверять себя, и, служа человечеству, она будет постоянно спрашивать себя: нет ли чего-либо личного в ее служении? Если окажется, что душевная ее деятельность тонко переплетена с самостью, что она менее занята успехом дела, чем успехом действующего лица; если, потерпев неудачу и видя успех другого, она вместе с радостью за успех дела испытает долю разочарования, она узнает, что в ее служении все еще есть личная примесь; если бы она служила совершенно бескорыстно, у нее не было бы и мысли о своем участии в успехе дела. Если неудача хотя на миг затуманила душевную жизнь, лишая обычного мира и бодрости, то это ясный признак, что работа очищения еще не закончена и душевные очи еще не прозрели. Если испытывая и измеряя свою любовь, душа заметит в себе легкую дрожь разочарования при встрече с равнодушием и непониманием, и поток любви готов податься назад и приостановиться, потому что те, кому она дает свою любовь, не отвечают такой же любовью, то эта душа, суровая к себе и сострадательная к другим, поймет, что в ее любви есть еще тонкая примесь элемента личного, что она еще не нашла той высшей радости, которая заключается в одном акте давания. Тогда она снова принимается за труд очищения и снова трудится, пока не научается давать свою любовь без единой мысли о награде или ответе; ибо воистину она знает, что больше всего потребности в любви у того, кто мало умеет любить, и что больше всего нуждаются в ней те души, которые еще ничего не умеют давать взамен.

Так душа сознательно трудится и растет, очищая свою низшую природу неустанными усилиями и неумолимой требовательностью; ибо она никогда себя не сравнивает с теми, которые ниже, а с теми, кто выше; ее очи всегда устремлены на тех, кто достиг вершины, а не на тех, что еще только поднимаются к внешней ограде. Ни на одно мгновение душа не может остановиться, отдохнуть», она не может успокоиться и быть довольной, пока не увидит своего приближения к Цели, пока не почувствует, что перестала противиться святым силам Света, льющимся на человечество из Сердца вселенной.

В Преддверии человек искушается не пороками, а своими добродетелями; тонкий соблазн является ему в небесных образах, в форме того, что в нем есть самого великого и благородного. Из-за недостатка знаний, добродетели обращаются в искушения, ибо человек перерос ту черту, за которой порок мог бы задеть или соблазнить его: чтобы ввести его в искушение, порок должен накинуть на себя маску добродетели. Вот почему ученик делается таким суровым и требовательным к себе; он хорошо знает по своим ошибкам и по заблужде-

ниям своих товарищей, что то, что кажется столь трудным в мире, делается легким за оградой; он знает также, что враг как бы похищает у него эти добродетели, чтобы обратить их в искушения и привести его к падению на Пути. Единственное спасение для него жить в свете «высшего Я»; он понимает, что он не смеет подойти к вратам Храма, пока этот свет не засиял в нем самом. Ибо как ему вступить в Свет, перед которым весь здешний свет – тьма? Как дерзнуть подойти к Свету, которого не могут выдержать нечистые очи, при котором все, что мы называем добродетелью, кажется несовершенным, и то, что мы называем красотой, кажется некрасивым? Как он посмеет войти в Храм, где душа будет стоять обнаженная перед Учителем, как она выдержит Его взор, если в сердце еще пребывает нечто нечистое, что может оскорбить Его?

И потому то, что было тяжело во внешнем мире, делается радостным в Преддверии, и очищающее страдание приветствуется как желанное. Господь, Учитель и Покровитель всех всегда стоит на пылающей земле; Его окружает пламя, пожирающее все, к чему оно прикасается. В сердце тех, что стоят в Преддверии, остались скрытые уголки, куда свет еще не проник; перед входом в Храм конечное очищение совершается живым пламенем Самого Господа; это пламя пожирает дотла все нечистое, что еще таилось в уголках сердца ученика. Он отдал себя Господу без остатка на этой пылающей земле, перед самым входом в Храм горит огонь, через который должны пройти все желающие войти. За чертой этого огня и в самом пламени виднеется Господь; от Него же рождается это пламя, от Его святых ног исходит очищающая сила его. Когда ученик окончательно очищается, он переступает врата, которые его навеки отделят от всех интересов низшего мира; одно лишь стремление будет жить в нем: желание служить возрождению человечества. На земле не осталось ничего, что могло бы еще привлечь его, ибо он узрел лик Своем Господа и перед этим видением потускнел и потух всякий иной свет.

Глава II. Контроль мысли

В том отделе моего предмета, к которому я приступаю сегодня, может быть, обнаружится самое большое различие, которое существует между точкой зрения среднего вдумчивого и уравновешенного человека и точкой зрения оккультиста. Мне придется с самого начала вести вас шаг за шагом, чтобы показать вам, как постепенно меняются точки зрения, ибо главное изменение человека относится к его сознанию, к роли последнего в его эволюции, к функциям ума и к способу, которым эти функции совершаются, и как раз в этой области сказывается все изменение, совершающееся в мировоззрении человека. Попробуем на одну минуту представить себе, каким образом добрый, справедливый и развитый человек, т. е. не поверхностный и не легкомысленный, а вдумчивый и уравновешенный, как такой человек смотрит на умственную дисциплину. Тот, кто сознательно поставил перед собой идеал добра, который он стремится осуществить, и известный долг, который он старается выполнить, тот признает, что то, что мы называем своей низшей природой, должно быть покорено и направлено к добру. Это для него вне всякого сомнения. Вдумчивый человек непременно скажет, что страсти и аппетиты тела, низшие эмоции, стихийно увлекающие легкомысленных людей, что вся эта сторона человеческой природы, которая возбуждается извне и вызывает в нем непродуманные поступки, должна быть под его контролем. Он назовет это своей низшей природой и заставит ее повиноваться высшей природе. При тщательном анализе окажется, что то, что мы обыкновенно называем самообладанием, и есть этот контроль над низшей природой, т. е. господство ума над желаниями. Больше того, при дальнейшем анализе мы увидим, что, говоря о сильной воле, о сильном характере человека, действующего при самых трудных обстоятельствах по определенно выработанному плану, мы имеем в виду человека, широко развитого, который в своих решениях и действиях руководствуется не внешними обстоятельствами, не окружающими его соблазнами, на которые отвечает его животная природа, а той суммой накопившегося опыта, которая именуется памятью. Эта память прошлого есть след, оставленный переживаниями, над которыми ум работает, которые он сгруппировал, сопоставил и из которых он сделал путем интеллектуального и логического усилия определенные выводы. Этот вывод остается в уме как правило поведения, и когда такой человек находится в трудных условиях, в таких условиях, которые совершенно подавляют слабую волю и сбивают с пути обыкновенного человека, то этот более сильный и более развитый ум руководствуется в своем поведении теми правилами, которые он выработал в свои спокойные минуты, когда его низшая природа не была возбуждена и не была окружена соблазнами; он не позволяет импульсам минуты сбить себя с намеченного пути.

Имея дело с таким человеком, вы часто можете предвидеть, что он будет делать; вы знаете принципы, на которых основано его поведение; вы знаете преобладающие линии его мысли и его сильный, определенный характер, и вы совершенно уверены, что, какие бы ни были внешние соблазны, в час борьбы этот человек осуществит идеал, который он поставил перед собой в минуту спокойного размышления. Это мы и имеем в виду, говоря о человеке с самообладанием. Такой человек достиг уже довольно высокой ступени развития: он сознательно стремится к полному господству над своей низшей природой; при самом большом возбуждении извне, душа его способна устоять против неожиданного соблазна, и он поступает благородно, как бы ни было велико искушение поступить низко.

Мы взяли как пример человека с сильным характером, с ясным мышлением, с разумным отношением к жизни, который не поддается, подобно недисциплинированному человеку, обстоятельствам или импульсам. Но этот человек может подняться на более высокую ступень. Он может прийти в соприкосновение с великой философской системой, например, с теософическим учением, которое объяснит ему работу ума. Почерпнет ли он ее из древ-

них источников Индии, Египта, Греции или из современной европейской литературы, эта философия во всяком случае даст ему новое воззрение на вселенную и во многом изменит его точку зрения.

Если такой человек примет основные учения теософии, то он поймет, как велико влияние его мыслей; он поймет, что ум его обладает творческой силой и что он во время своей работы буквально создает определенные мыслеобразы и этим творческим актом постоянно населяет окружающий его мир деятельными силами, которые работают на благо или на зло, часто воздействуя на душу и на жизнь таких людей, с которыми он уже не приходит в личное соприкосновение. Он начнет понимать, что для такого влияния на умы ему не надо непременно выразить свою мысль устным или письменным словом, также нет необходимости, чтобы его мысль облекалась в действие, которое послужило бы добрым или дурным примером. Он может быть совершенно неизвестной личностью в мире и не выступать публично. Он может явно влиять на чрезвычайно малый круг друзей и родных, приходящих с ним в личное соприкосновение, и тем не менее, даже пребывая в полном одиночестве, он обладает силою, превосходящею силу примера или речи: он может помогать или вредить миру; он может очищать или отравлять умы своего поколения; он может содействовать прогрессу или задерживать его; он может поднимать людей или тянуть их вниз и таким образом влиять на дух своего времени тонкими энергиями мысли, деятельными мыслеобразами, которые тем сильнее воздействуют на мир, что они невидимы и не признаны людьми. По мере того, как растет знание человека, мысль обретает для него новое значение, он понимает ответственность мысли, ответственность, которая возлагается на него только потому, что он мыслит; он понимает, что эта ответственность простирается гораздо дальше, чем он может видеть. Самым реальным образом он ответственен и за преступления, и за героические подвиги, которые совершаются в обществе; он понимает, что человек, совершающий то или иное действие, не один отвечает за свой поступок, ибо каждый поступок есть проявление, настоящее воплощение идей, и каждый участвующий в рождении этих идей принимает на себя и ответственность за данный поступок. Приняв эту более широкую точку зрения, человек понимает, что он должен управлять своими мыслями. Поняв всю ответственность за свои мысли и, следовательно, за качество этих мыслей, он начинает замечать, что род мыслей, которые он притягивает к себе из внешнего мира, сходен с теми мыслями, которые он сам рождает. Он не только магнит, отсылающий токи силы мысли в пределах магнитного поля, но он также магнит, привлекающий к себе те субстанции, которые отвечают на посылаемую им магнитную силу; его ум будет полон добрых или низких мыслей, смотря по тому направлению, в котором он сам работает. Рождая благую мысль, он не только исполняет свой долг по отношению к ближним, но, как это всегда бывает, если человек в гармонии с божественным законом, он сам выигрывает от того, что дает. В каждом случае, когда он посылает в мир благородную мысль, он создает в себе центр, к которому другие благородные мысли сами собой притекают как бы по магнетическому сродству, и ум его получает помощь и укрепление. С болью и со стыдом он должен признать, что, послав в мир нечистую мысль, он в своем сознании создал подобный же нечистый центр, который привлечет витающие в атмосфере низкие мысли и увеличит его склонность ко злу, подобно тому, как благородные мысли увеличивают его склонность к добру.

Признав эту связующую нас общность мысли, он изменит свое внутреннее настроение, почувствует всю свою ответственность за то, что он дает и принимает в себя, признает те нити, которые по всем направлениям тянутся от него и к нему; он признает в своей ежедневной жизни необходимость постоянно считаться с мыслями и поймет, что в сфере невидимом рождаются все те силы, которые проявляются в психической и физической жизни. Но когда он вступает в Преддверие, он поднимается еще на одну высшую ступень. Он теперь

ученик, он стоит на пороге той крутой тропы, которая прямо ведет кверху, он находится на испытании перед вступлением на этот путь.

Он начинает признавать, что за умом находится нечто большее и что это нечто находится в такой же связи с его умом, в какой ум находится с природой желания. Развиваясь, человек признает господство ума над желаниями; подходя к порогу Преддверия, он признает – и это признание открывает ему Врата, – что этот ум, который казался ему таким великим, таким могущественным, этот ум, о котором один мыслитель сказал, что во вселенной ничего нет более великого, чем человек, и ничего более великого в человеке, чем ум его, – что этот ум ступевывается перед величию того, что бесконечно выше, бесконечно шире и что на мгновение сверкает подобно молнии и затем снова скрывается.

Слабо, неясно еще улавливает он луч света, озарившего его ум свыше, и вместе с тем он уже как-то странно предчувствует, что этот луч – он сам. Вначале он смущен, он как бы ищет в темноте, он старается понять различие между этим новым Светом и своим умом, он чувствует, что этот свет – он сам и в то же время нечто большее, чем он. Он не знает, откуда пришло это озарение; было ли оно просто сновидением или мечтой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.